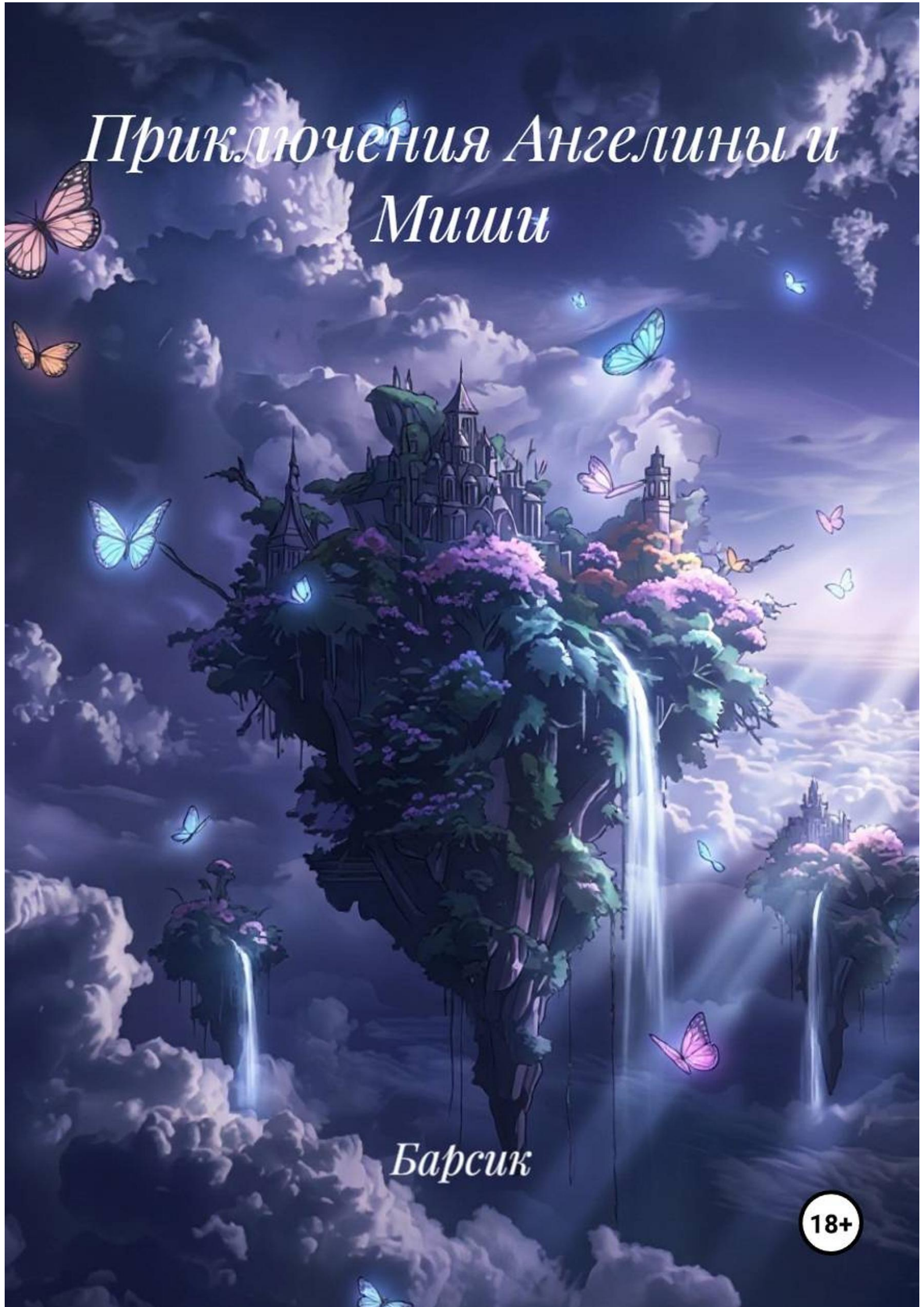

A vibrant, fantastical illustration of a floating island in a sky filled with soft, white clouds. The island is lush with green foliage and purple flowers. Atop the island sits a grand, multi-towered castle with spires. A large, cascading waterfall flows down the side of the island. Numerous colorful butterflies, including orange, blue, and pink, are scattered throughout the scene, some appearing to glow. In the background, another smaller floating island with a similar structure is visible. The overall atmosphere is magical and dreamlike.

Приключения Ангелины и Миши

Барсик

18+

Барсик

Приключения Ангелины и Миши

«Автор»

2026

Барсик

Приключения Ангелины и Миши / Барсик — «Автор», 2026

Ангелина — смелая девушка, которой не страшны мрачные легенды: её ведёт вперёд чувство долга перед теми, кто исчез во тьме. Рядом всегда Миша — плюшевый медвежонок, который даже перед лицом ужаса шутит и мечтает о горячей лапше. Вместе они бросаются навстречу опасностям: пробираются через проклятые дома, где стены шепчут имена погибших, спускаются в забытые подземелья сожжённых церквей, сталкиваются с чудовищами, сотканными из кошмаров. Каждый поворот тропы грозит стать последним, но Ангелина не отступает, а Миша, хоть и дрожит от страха, ни на шаг не отходит от подруги: ведь настоящая храбрость — в том, чтобы идти вперёд, держась за чью-то руку. Смогут ли они разорвать цепь проклятий и вернуть свет в мир, где тени стали слишком плотными? Или сами станут частью жутких преданий, которые рассказывают шёпотом у костра?

© Барсик, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1: Новогодний кошмар	7
Глава 2: Спасение	10
Глава 3: Неизвестный гость	12
Глава 4: Кровавая церковь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Приключения Ангелины и Миши

Пролог.

В книге содержатся сцены насилия, натуралистичное описание травм и смерти, пугающие образы, а также эмоционально тяжёлые эпизоды. Не рекомендуется к прочтению лицам младше 18 лет, а также людям с повышенной чувствительностью к хоррор-контенту.

Барсик.

Автор: Барсик.

Ссылка на канал автора в MAX: <https://max.ru/join/BrwnEJCApKY0jAgOnyrN3whFq6vTqja2sbJTB7FZ8zk>

Ссылка на канал автора в тг: <https://t.me/+QmJmJGHezZRkMTU6>

В комнате было тихо, только мерно гудел ноутбук да изредка щёлкала клавиша — Ангелина листала рецензии на новую книгу, которую давно ждала. На столе рядом стоял её любимый бокал с Оптимусом Праймом: потёртый по краю, но такой родной. Ангелина обожала этот фильм: в нём всегда побеждало добро, даже если ради этого приходилось спасать целую планету. Сейчас ей хотелось немного этой уверенности — будто если есть кто-то, кто может всё исправить, значит, и в обычной жизни не всё так страшно.

Она сделала глоток остывшего кофе, поморщилась и встала, чтобы налить себе зелёного чая. В этот момент из-за спинки дивана вынырнул Миша. Он ловко подпрыгнул и приземлился прямо на край стола, чуть не задев бокал.

— Осторожно! — вскрикнула Ангелина, хватая посуду.

— Прости-прости! — Миша виновато поджал плюшевые уши, но тут же снова загорелся энтузиазмом. — Но ты только послушай, что я нашёл! Это просто бомба!

Ангелина вздохнула, но улыбнулась. С Мишей никогда не получалось долго сердиться.

— Ну, выкладывай. Только без спойлеров к моей книге, ладно?

Миша закатил карие глаза так комично, что Ангелина едва не рассмеялась.

— Да какая книга, тут реальная жуть! Есть одно место ну, вроде старого дома на окраине, где когда-то жила семья. Отец, мать, дочь и сын. По всем рассказам, семья была самая обычная: по утрам отец пил крепкий чай, мать пекла пироги, дети спорили из-за игрушек и делили последний кусок варенья. Соседи говорили, что это редкий пример, когда все друг на друга не кричат. Даже странно, мол, слишком уж хорошо у них всё было.

Ангелина налила в кружку зелёный чай, села обратно и подтянула колени к груди.

— И что же случилось?

Миша понизил голос, будто кто-то мог их подслушать.

— Всё произошло на Новый год. Представь: ёлка, мишура, запах мандаринов, все ждут боя курантов. Семья сидела за столом, смеялась, отец поднимал бокал и говорил что-то про новый счастливый год... А потом он вдруг встал. Молча. Без криков, без упрёков. Просто вышел и вернулся с ружьём.

Ангелина невольно вцепилась пальцами в край свитера.

— Дальше не обязательно

— Нет, ты должна знать всю легенду, — настаивал Миша, хотя и сам говорил теперь почти шёпотом. — Он застрелил мать прямо там, за столом. Потом дочь. Всё так быстро, что

никто даже не успел по-настоящему понять, что происходит. А сын он в тот момент был в ванной. Закрылся, чтобы никто не мешал ему рассматривать новогодние наклейки, которые он собирал. Когда отец понял, что сын выжил, он пошёл туда. В ванную. И утопил его.

Ангелина закрыла глаза на секунду, словно пытаясь стереть эту картину.

— Это ужасно.

— Да, — тихо согласился Миша. — А потом отец сам вызвал полицию. И когда они приехали, он не стал ни оправдываться, ни прятаться. Просто сел на пол посреди комнаты, где ещё пахло мандаринами, и выстрелил себе в висок.

Ангелина медленно выдохнула.

— И никто так и не узнал, зачем он это сделал?

Миша покачал головой.

— Ни записки, ни намёка. Следователи перерыли весь дом, прочитали дневники матери, проверили переписку отца — ничего. Никаких долгов, никаких скандалов, никаких тайных врагов. Будто в ту ночь в него вселился кто-то чужой. Или будто он увидел что-то такое, что сломало его окончательно. Дом потом долго стоял пустым. Люди обходили его стороной. Говорили, что в новогоднюю ночь оттуда доносится тихий плач, а на зеркале в ванной появляются капли воды, хотя трубы давно перекрыты.

Ангелина обхватила кружку ладонями, чувствуя, как тепло медленно пробирается сквозь пальцы.

— Звучит как городская легенда. Слишком уж гладко.

— Может, и легенда, — не стал спорить Миша. — Но дом-то настоящий. Я адрес нашёл. И фотографии там до сих пор висят остатки мишуры на перилах. Хочешь, сходим? Просто посмотрим. Если не понравится — сразу уйдём.

Ангелина помолчала, глядя на отражение Оптимуса Прайма в бокале. В фильме он всегда знал, куда идти и что делать. А здесь... здесь не было ни карты, ни чёткого плана. Только жуткая история и плюшевый медвежонок, который почему-то верил, что вместе они справятся с чем угодно.

Она отставила кружку, расправила плечи и посмотрела на Мишу.

— Ладно. Сходим. Но если там будет хоть что-то похожее на призрака с ружьём — мы бежим, и никаких споров.

Миша расплылся в широкой плюшевой улыбке.

— Договорились. А по дороге зайдём за лапшой. На всякий случай.

Глава 1: Новогодний кошмар

Снег скрипел под кроссовками Ангелины, будто сам дом не хотел, чтобы кто-то сюда приходил. Дом стоял тёмный, угрюмый, будто сжался от холода и чужой боли. Мишура на перилах давно выцвела, свисала рваными нитями, как засохшие вены. Ангелина и Миша подошли ближе, оглядываясь по сторонам: ни света в окнах, ни следов на снегу, кроме их собственных.

— Тут жутко тихо, — прошептал Миша, прижимая плюшевые лапы к груди. — Как будто даже птицы не хотят тут летать.

Ангелина кивнула, не сводя глаз с покосившегося забора. В одном месте доски разошлись, образовав неровную дыру, будто кто-то специально проломил проход.

— Лезем здесь, — решила она, приседая и протискиваясь внутрь.

Миша, хоть и был плюшевым, двигался ловко — он подпрыгнул, ухватился за край и проскользнул следом, чуть не потеряв равновесие на обледеневшей земле.

Внутри двор оказался ещё мрачнее. Пожухлая трава торчала из-под снега, как седые волосы. На крыльце валялась старая игрушка — плюшевый заяц с оторванным ухом. Ангелина покосилась на него, но не стала поднимать.

Дверь в дом была приоткрыта, будто её кто-то ждал. Петли протяжно скрипнули, когда Ангелина толкнула её, и этот звук отозвался где-то глубоко в груди, как предупреждение.

Они вошли.

Воздух внутри был тяжёлый, пропитанный пылью и чем-то кислым, старым, будто время здесь остановилось и начало гнить. Пол скрипел под каждым шагом, а тени в углах казались слишком плотными, словно прятали в себе что-то живое.

Ангелина достала фонарик, луч света выхватил из темноты облупившиеся обои с новогодним узором — ёлки, снежинки, улыбающиеся олени. Теперь эти рисунки выглядели издевательски весёлыми на фоне общего запустения. Миша держался рядом, почти у самой ноги Ангелины, и старался не смотреть по сторонам, но любопытство всё равно тянуло его крутить головой.

Несколько часов они бродили по дому, осторожно заглядывая в каждую комнату. В гостиной всё ещё стояла сухая ёлка, на ветках висели пожелтевшие шары. На столе лежала тарелка с окаменевшим куском пирога. В детской на полу валялись игрушки, будто дети только что выбежали и вот-вот вернуться. Но больше всего пугала тишина — она была не пустой, а густой, будто дом хранил в себе эхо криков и не хотел его отпускать.

Когда они добрались до спальни, Ангелина присела на край кровати, проверяя пружинный матрас.

— Странно, что тут вообще ничего не тронули, — пробормотала она. — Будто дом законсервировали вместе с кошмаром.

Миша хотел что-то ответить, но вдруг замер, подняв плюшевую голову.

— Ты слышала? — прошептал он.

Сначала ничего. Потом — чёткие, тяжёлые шаги по скрипучим половицам. Кто-то ходил по коридору, не таясь, не спеша. Затем донёсся звук льющейся воды — будто кто-то открыл кран в ванной и оставил его течь.

Ангелина и Миша переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: «Мы здесь не одни».

А потом раздался выстрел.

Резкий, оглушающий, он расколол тишину, как удар молнии. Ангелина дёрнулась, инстинктивно схватила Мишу и вместе с ним скользнула под кровать. Пружины над ними жалобно застонали, но они замерли, стараясь даже не дышать.

Спустя мгновение — ещё один выстрел. И следом — крик. Не человеческий, а какой-то искажённый, будто голос разрывался между болью и злобой.

Миша сжался в маленький комок, его плюшевые бока дрожали. Ангелина прижала его к себе, но тут он вдруг дёрнулся, почувствовав, как что-то коснулось его лапки. Он обернулся — и увидел лицо.

Это был мальчик. Тот самый сын, которого утопили в ванной. Его кожа была полупрозрачной, будто покрытой тонкой плёнкой воды, волосы слиплись, а глаза — чёрные, без зрачков — сияли неестественным светом. Он улыбался, и эта улыбка не имела ничего общего с радостью: она была кривой, сломанной, будто улыбка, которую натянули на чужое лицо.

Миша открыл рот, чтобы закричать, но Ангелина успела зажать ему рот ладонью.

— Тихо! — прошипела она, её сердце колотилось где-то в горле.

Но Миша уже не мог сдерживаться. Звук вырвался приглушённым всхлипом, и в этот момент мальчик наклонился ниже, его лицо оказалось в сантиметре от Миши, и он прошептал что-то на непонятном языке — словах, которые звучали как скрежет льда.

Ангелина не стала ждать. Она схватила Мишу, выскользнула из-под кровати и рванула к двери. Они вылетели в коридор, и тут Ангелина замерла, увидев лестницу вниз.

На первом этаже лежали тела.

Не прозрачные, не размытые — реальные, плотные, будто смерть только что настигла их. Люди лежали в неестественных позах, будто их бросили, как сломанные куклы. Одежда была разорвана, обнажая бледную кожу, покрытую синими пятнами. Органы лежали отдельно — аккуратно, почти демонстративно: на старом комод, на полу, даже на спинке кресла. Кровь запеклась тёмными лужицами, местами превратившись в бурые корки. Некоторые части тел были расположены так, будто из них пытались сложить какой-то узор — странный, бессмысленный, от которого хотелось зажмуриться и забыть, что ты это видел.

Ангелина на секунду застыла, её разум пытался обработать увиденное, но шок сковывал мысли. Она знала, что такое сцены насилия — смотрела фильмы, читала книги, представляла себе ужасы. Но реальность была другой: она пахла железом, пылью и страхом, она была тяжёлой, как мокрый бетон.

Миша всхлипнул, его плюшевые глаза расширились от ужаса. Ангелина быстро закрыла ему глаза ладонью, стараясь уберечь его от этого кошмара.

— Не смотри, — тихо, но твёрдо сказала она. — Просто не смотри.

Миша отвернулся, уткнувшись носом в её ладонь, и глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь.

Ангелина огляделась, ища выход, но коридор впереди был завален обломками мебели и чем-то, что раньше могло быть вещами. Назад возвращаться было нельзя — там, наверху, всё ещё слышались шаги и вода, капающая с потолка.

Она потянула Мишу в сторону, в соседнюю комнату, и они вбежали внутрь, захлопнув за собой дверь. В комнате пахло нафталином и старыми книгами. Ангелина нащупала ручку шкафа, распахнула его и затолкнула туда Мишу, а затем залезла следом. Деревянные стенки сомкнулись вокруг них, отрезая от кошмара, но не от звуков.

Снаружи снова раздался выстрел. Потом ещё один. И сквозь щели шкафа пробивался странный свет — не жёлтый, как от лампы, а синевато-белый, будто в доме зажглись огни другого мира.

Миша дрожал, прижимаясь к Ангелине.

— Мы... мы умрём здесь? — прошептал он, его голос дрожал, но в нём всё ещё была надежда, что Ангелина знает, что делать.

Ангелина обняла его, чувствуя, как её собственные руки тоже дрожат.

— Нет, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы не умрём. Я не позволю.

Она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Впереди была тьма, но где-то в этой тьме должен был быть выход. И она найдёт его. Ради себя. Ради Миши. Ради того, чтобы этот кошмар наконец закончился.

Глава 2: Спасение

Внутри шкафа было тесно, пахло старой древесиной и чем-то затхлым, будто воздух здесь не менялся десятилетиями. Ангелина прижимала к себе Мишу, чувствуя, как его плюшевое тельце дрожит мелкой дрожью. Они сидели так, наверное, целую вечность — в темноте, в тишине, нарушаемой лишь их прерывистым дыханием.

— Может... может, они ушли? — прошептал Миша, голос у него был тоненький, почти детский.

Ангелина покачала головой, хотя Миша и не мог этого увидеть.

— Не думаю. Дом ещё дышит этим... этим ужасом.

Она сжала кулаки, пытаясь унять дрожь. Потом, медленно, осторожно, нащупала в темноте что-то металлическое — тонкое, острое. Это был маленький ножик, забытый кем-то в шкафу много лет назад. Лезвие было тусклым, покрытым лёгкой ржавчиной, но всё ещё опасным. Ангелина сомкнула пальцы вокруг рукоятки. Ощущение холодного металла придало ей хоть каплю уверенности.

— Если что, я смогу защититься, — тихо сказала она, скорее себе, чем Мише.

Миша прижался к ней ещё сильнее, будто хотел раствориться в её куртке.

— Ладно. Давай глянем, — решила Ангелина.

Она чуть-чуть приоткрыла дверцу шкафа, образовав узкую щель. В комнату лился тусклый синеватый свет — не от лампы, не от окна, а будто изнутри самого воздуха. И в этом свете двигались фигуры.

Семья стояла посреди комнаты, занятая жутким делом.

Мать, с лицом, перекошенным в вечной гримасе, держала в руках длинный кухонный нож. Перед ней на полу лежало что-то бесформенное, тёмное, с рваными краями. Она методично, спокойно, словно разделявала курицу к ужину, резала это на куски. Лезвие входило в плоть с неприятным, влажным звуком, от которого у Ангелины свело желудок. Капли тёмной жидкости разлетались и, падая на пол, не растекались, а словно впитывались в доски, оставляя после себя едва заметные синеватые следы.

Дочь и сын стояли рядом, наклонившись, и хватали куски руками. Их пальцы были длинными, неестественно изогнутыми, ногти напоминали когти. Они жадно запихивали куски в рты, чавкали, глотали, не жуя, будто боялись, что кто-то отнимет у них эту мерзкую трапезу. Их глаза блестели в полумраке, как у голодных зверей.

Ангелина зажала рот ладонью, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Она смотрела на это и пыталась убедить себя, что это не по-настоящему, что это просто кошмар, иллюзия, призрак прошлого. Но запах был реальным — тяжёлый, металлический, смешанный с чем-то гнилым. Он проникал в лёгкие, оседал на языке.

Рядом с ней Миша тихо всхлипнул, и Ангелина почувствовала, как он напрягся всем своим плюшевым телом. Она крепче прижала ладонь к его глазам, хотя он и так уткнулся носом в её плечо.

— Не смотри, — прошептала она, сама едва сдерживая рвотный рефлекс. — Просто дыши. Медленно. Вдыхай мой запах, запах куртки, запах улицы... Не этот.

Миша судорожно вдохнул, будто пытался вытравить из себя этот кошмар одним глотком. Его трясло так, что Ангелина чувствовала вибрацию каждой плюшевой ворсинки.

Отец семейства сидел в углу, небрежно держа ружьё на коленях. Он покуривал, и дым от сигареты был не обычным серым, а тёмно-фиолетовым, клубился, как живое существо, и стелился по полу. На его лице играла та самая искажённая улыбка — будто уголки рта натянули проволокой. Он время от времени поглядывал на своих домочадцев, и в его взгляде не было ни любви, ни сожаления, только холодное удовлетворение.

Ангелина медленно опустила взгляд, пытаясь собраться с мыслями. Её пальцы крепче сжали рукоятку ножа. Она знала, что нельзя оставаться здесь ни секунды дольше.

И тут случилось худшее.

Пытаясь чуть-чуть изменить позу, чтобы размять затекшую ногу, Ангелина потеряла равновесие. Шкаф качнулся, дверца приоткрылась чуть шире, и Ангелина, не успев ничего сделать, вывалилась из укрытия прямо на пол.

Все призраки одновременно повернули головы в её сторону. Их движения были неестественно плавными, как у кукол на ниточках. Они переглянулись, и из их ртов вырвался странный звук — не слова, а что-то среднее между шипением и скрежетом, будто камни тёрлись друг о друга.

Отец медленно поднялся, не сводя с Ангелины пустых глаз. Ружьё он поднял так же неторопливо, как человек берёт чашку чая. Его губы растянулись в той самой жуткой улыбке.

— Ну-ну, — прохрипел он голосом, похожим на скрип старых половиц. — А вот и гостя.

Ангелина не стала ждать. Она схватила Мишу, который замер от ужаса, и рванула к двери. Они выскочили в коридор, промчались мимо комнат, мимо старой ёлки, мимо пожелтевших игрушек.

На бегу Ангелина сорвала с шеи маленький амулет — серебристую пластинку с выгравированными символами, которую она всегда носила как талисман. В тот момент, когда отец уже целился, она швырнула амулет на пол у входной двери и выкрикнула слова, которые когда-то слышала от старой ведьмы на ярмарке:

— Запечатываю! В этих стенах — ваша тьма, за пределами — свобода!

Амулет вспыхнул холодным синим светом, и призраки внутри дома закричали. Это был не человеческий крик, а вопль самой реальности, которую насильно загнали в границы. Их силуэты начали дёргаться, растягиваться, будто невидимые цепи впивались в них.

Ангелина, не оглядываясь, потащила Мишу к дыре в заборе. Снег хрустел под кроссовками, холодный воздух обжигал лёгкие, но она не чувствовала холода. Только адреналин и отчаянное желание выжить.

Они пролезли сквозь дыру, и в тот же миг дом вспыхнул синим пламенем. Огонь не был тёплым и жёлтым — он был ледяным, мерцающим, будто горел не дерево, а сама тень. Стены задрожали, окна лопнули, и дом начал оседать, словно его тянуло вниз невидимой силой.

Когда всё стихло, на месте дома осталась только тёмная воронка, медленно затягивающаяся, как рана.

Миша сел прямо на снег, тяжело дыша. Его плюшевые бока вздымались и опускались. Он посмотрел на Ангелину своими карими глазами и тихо, совершенно буднично сказал:

— Я хочу лапши. Прямо сейчас. Горячей. Много.

Ангелина застыла на секунду, глядя на него так, будто видела его впервые. В её голове всё ещё звучали крики призраков, перед глазами стояла картина того, как дети жадно хватают куски плоти, а желудок всё ещё сжимался от тошноты. И тут этот плюшевый медвежонок, который только что пережил самый страшный кошмар в своей жизни, спокойно просит лапшу.

Она медленно выдохнула, и напряжение, сковывавшее её тело, чуть-чуть отступило. Уголки её губ дрогнули в слабой улыбке.

— Ладно, — сказала она, опускаясь рядом с ним на корточки и кладя руку ему на голову, как на плечо друга. — Ладно. Найдём тебе лапшу. И кофе. И что-нибудь, что сможет смыть этот вкус ужаса.

Миша кивнул, будто это было самое разумное решение в мире.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Ангелина поднялась, ещё раз посмотрела на то место, где стоял дом, и взяла Мишу за плюшевую лапку.

— Пойдём. Здесь нам больше нечего делать.

Глава 3: Неизвестный гость

В лапшичной было тепло и шумно: кто-то громко смеялся у стойки, кто-то спорил о вкусах бульонов, а пар от кастрюль висел в воздухе, как лёгкий туман, смывая с Ангелины остатки ледяного ужаса. Здесь пахло чесноком, перцем и чем-то простым, человеческим — и от этого становилось чуть легче дышать.

Миша сидел напротив, склонившись над очередной миской, и уплетал лапшу так, будто это был не ужин, а лекарство от всех кошмаров. Ангелина держала в руках уже четвертую чашку кофе — она не пила, а просто грела пальцы о горячую керамику, будто пыталась вернуть себе ощущение нормальной жизни.

— Знаешь, я думал, что после такого вообще есть не смогу, — пробормотал Миша, на секунду отрываясь от еды. — А оказалось, что лапша она как будто стирает плохие картинки из головы.

Ангелина слабо улыбнулась.

— Главное, не переусердствуй. Тридцать пятая миска — это уже почти подвиг.

Миша гордо приподнял плюшевую бровь.

— Подвиг ради выживания.

И тут к их столику подошёл незнакомец.

Он был неброско одет — тёмная куртка, шарф, натянутый почти до носа, и глаза, в которых будто навсегда застряла тень чего-то увиденного. Он остановился рядом, будто не решаясь присесть, потом всё-таки выдвинул стул и сел, не спрашивая разрешения.

— Вижу, вы ребята любопытные, — сказал он тихо, голос у него был низкий, чуть хриплый, будто он много лет говорил шёпотом в тёмных местах. — Не интересуют ли вас места, где граница между нашим миром и чем-то ещё истончилась?

Ангелина и Миша переглянулись. В этом взгляде уместилось всё: и страх, и усталость, и странное, упрямое любопытство, которое не хотело отпустить. Они одновременно кивнули.

Незнакомец удовлетворённо кивнул, будто именно этого и ждал.

— Тогда слушайте. Двадцать четыре года назад в одной маленькой церкви на окраине начали пропадать люди. Сначала прихожане — кто-то не вернулся с вечерней службы, кто-то просто исчез по дороге домой. Потом стали пропадать монахи. Тихо, без криков, без следов. Только пустые рясы оставались висеть на крючках, будто люди просто растворились.

А батюшка он вёл себя странно. Всё тише становился, всё реже улыбался. Перестал носить крест — сначала говорил, что потерял, потом — что не видит в нём смысла. А однажды одна из монашек случайно заглянула в его келью поздно ночью. И увидела...

Тут незнакомец замолчал, словно подбирая слова, которые не испачкают этот уютный, пахнущий лапшой воздух.

— Что она увидела? — тихо спросила Ангелина, хотя уже догадывалась, что ничего хорошего.

Мужчина посмотрел на неё прямо, без жалости.

— Он ел их. Не как зверь, не в спешке, а методично. Как будто это была часть какого-то обряда. Монашка спряталась за дверью, дрожа так, что зубы стучали, и видела, как он разрезал мясо на тонкие ломтики, будто готовил блюдо для гостей. Потом складывал кости в железный ящик и относил в печь, которая топилась даже летом. Он сжигал их добела, до хруста, чтобы не осталось ни следа, ни имени, ни памяти.

Миша замер с лапшой на полпути ко рту.

— Сжигал кости? — прошептал он. — Зачем?

— Чтобы никто не смог их опознать. Чтобы казалось, что их вообще никогда не было.

Ангелина почувствовала, как по спине пробежал холод, несмотря на тепло лапшичной.

— А что было дальше? — спросила она, голос звучал твёрже, чем она чувствовала себя внутри.

— Монашка рассказала остальным. Сначала ей не поверили — слишком жутко, слишком невероятно. Но когда батюшка перестал прятать свою странность, когда начал смотреть на людей так, будто они уже были для него едой, сомнения исчезли. Монахи решили действовать. Они пришли к нему все вместе, хотели схватить, связать, отдать властям. Но он только улыбнулся и сказал: «Вы опоздали. Я уже давно не один».

И тогда церковь загорелась. Никто не знал, откуда взялся огонь — он вспыхнул сразу во всех углах, будто сам воздух стал пламенем. Батюшка остался внутри, и монахи тоже. Все сгорели. А по легенде, службы в той церкви идут до сих пор. Каждую ночь. Только служат там уже не Богу.

Ангелина сжала пальцами край стола.

— Где эта церковь? — спросила она.

Незнакомец назвал адрес — координаты, которые прозвучали как приговор. Потом он встал, будто его здесь и не было, и ушёл, растворившись в шуме лапшичной, как призрак, который пришёл только для того, чтобы передать проклятие.

Ангелина и Миша снова переглянулись. В их взглядах теперь было не только любопытство — в них была решимость.

— Мы пойдём туда? — спросил Миша, и в его голосе уже не было страха, только усталое принятие неизбежного.

Ангелина медленно кивнула.

— Да. Потому что если мы не пойдём, эти истории будут приходить к нам сами. И в следующий раз — не за столиком в лапшичной.

Она допила остывший кофе, поморщилась от горечи, но не пожалела. Горечь сейчас казалась правильной.

— Только может, возьмём ещё одну миску? — робко предложил Миша.

Ангелина наконец улыбнулась по-настоящему.

— Ладно. Ещё одну. Но потом — в путь.

Глава 4: Кровавая церковь

Ангелина и Миша заплатили за лапшу, и на несколько мгновений мир будто стал нормальным: звякнула мелочь в кассе, бариста улыбнулся, на улице кружились снежинки, и даже холод казался обычным, человеческим. Но эта иллюзия рассыпалась, стоило им свернуть в сторону дома. Снег лежал плотным, тяжёлым слоем, и каждый шаг давался с трудом — будто сама земля не хотела, чтобы они шли к церкви.

Дома они быстро, но тщательно собрали вещи: ножик с чуть зазубренным лезвием, моток крепкой верёвки, тяжёлый фонарик, который светил далеко, но иногда мигал, запасные батарейки, телефон (Ангелина положила его в самый внутренний карман, чтобы не замёрз), а ещё — конфеты. Миша тихонько сунул их в рюкзак, пока Ангелина делала вид, что не замечает. Ей казалось, что в этом есть что-то правильное: среди ножей и верёвок — маленькие сладкие кусочки нормальной жизни.

Путь до церкви оказался долгим. Снег набивался в кроссовки, ветер пробирался под куртку, а тишина вокруг становилась всё гуще, будто звуки просто не могли выжить в этом месте. И когда они наконец дошли, церковь предстала перед ними огромной, угрюмой громадой. Её стены были покрыты копотью, словно кто-то пытался стереть само существование этого здания, но не смог. Крыша местами провалилась, окна зияли чёрными провалами, а над входом висел обгоревший крест — он покосился, будто пытался отвернуться от того, что творилось внутри.

Они вошли.

Воздух здесь был не просто холодным — он был мёртвым. Он не двигался, не дышал, а просто лежал, густой и тяжёлый. И запах... Это была не просто сырость старого здания. Это был запах гнили и тухлятины, такой густой, что он оседал на языке горьким привкусом, от которого хотелось кашлять и вытирать лицо.

Ангелина включила фонарик. Луч света выхватил из темноты облупившиеся фрески: святые смотрели на них пустыми глазами, будто давно перестали верить в то, что изображали. Пол был усыпан пеплом и мелкими осколками стекла, которые хрустели под кроссовками, как сухие кости.

Они шли всё глубже, туда, где, по легенде, батюшка творил свои чёрные дела. Комната, которую они искали, находилась в дальнем крыле, почти в подвале — туда вела узкая лестница, ступени которой прогибались под весом каждого шага. Дверь была толстой, дубовой, с железными полосами, потемневшими от времени и копоти. Ангелина на секунду замерла, сжимая в руке фонарик, потом толкнула дверь. Та открылась с протяжным, жалобным скрипом, будто сама стена просила их не входить.

Комната батюшки была маленькой, тесной, с низким потолком. Стены здесь были не расписаны, а исцарапаны: по всей поверхности тянулись глубокие борозды, будто кто-то царапал камень ногтями. В центре стоял грубо сколоченный стол, потемневший от времени и чего-то тёмного, засохшего. На нём лежал окровавленный нож — его лезвие было неровным, с зазубринами, будто им рубили не мясо, а кости. Рядом валялись обрывки ткани, потемневшие от крови, и несколько ржавых крюков, назначение которых не хотелось представлять.

В углу стояла железная печь, дверца которой была приоткрыта. Внутри виднелись мелкие белые осколки — фрагменты костей, сожжённых до состояния хрупкого пепла. Казалось, что печь всё ещё хранила тепло того огня, который когда-то пожирал не только плоть, но и память о людях.

А на полу лежало тело. Оно было не свежим, но и не полностью истлевшим — будто время здесь застыло на полпути между жизнью и разложением. Кожа посерела, натянулась на костях, а раны, покрытые коркой тёмной крови, выглядели так, будто смерть пришла к этому

человеку не один раз. Рядом с телом были разбросаны органы — они уже начали гнить, и от них шёл тот самый тошнотворный запах, который заполнял комнату, проникая в каждую клеточку воздуха.

Ангелина почувствовала, как её желудок сжался, но она не позволила себе отвернуться. Она знала, что если сейчас поддастся слабости, то не сможет защитить Мишу. А он... он стоял рядом, и его плюшевые глаза расширились так, что казались огромными чёрными провалами. Она быстро закрыла ему глаза ладонью.

— Не смотри, — прошептала она, голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Просто не смотри. Держи меня за руку. Крепко.

Миша вцепился в её пальцы так, что даже сквозь ткань перчатки она почувствовала его напряжение.

И тут они услышали шаги.

Тяжёлые, неторопливые, они звучали так, будто человек, который их делал, никуда не спешил — потому что знал, что бежать некуда. Ангелина схватила Мишу и рванула в сторону, в небольшую комнату рядом. Там стоял старый шкаф, потемневший от копоти, с облупившейся краской на дверцах. Они втиснулись внутрь, прижавшись друг к другу, и Ангелина достала нож, спрятав его за спину. Её пальцы крепко сжимали рукоятку, а сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

Тишина длилась всего несколько секунд, но они показались вечностью. А потом дверцы шкафа резко распахнулись. Перед ними стоял батюшка. Его лицо было искорёжено пламенем, которое когда-то поглотило церковь. Кожа на щеках и лбу потрескалась, покрылась тёмными шрамами, похожими на сеть молний. Глаза в них не было ни белого, ни радужки — только густая, маслянистая чернота, в которой не отражался даже свет фонарика. Его губы были искривлены в вечной усмешке, обнажавшей почерневшие зубы.

Пальцы батюшки были изогнуты, как когти, ногти потемнели и заострились, будто пытались прорвать кожу изнутри. На нём всё ещё была ряса, но она превратилась в лохмотья, пропитанные копотью и чем-то тёмным, засохшим. От него пахло гарью и чем-то сладковатым, гнилым, как запах сгоревшего сахара.

Он наклонился вперёд, так близко, что Ангелина почувствовала этот запах на своих ресницах. Его голос прозвучал не из горла, а будто из самой темноты вокруг:

— Вы пришли посмотреть — прохрипел он, и каждое слово отдавалось в ушах, как удар молота. — Но теперь вы станете частью этой истории.

И в тот момент, когда его рука потянулась к ним, когда пальцы-когти почти коснулись плеча Ангелины, мир перед глазами поплыл. Свет фонарика мигнул, потом погас, а сознание словно выключили одним резким движением.

Ангелина успела только почувствовать, как Миша вжался в неё всем своим плюшевым тельцем, а потом наступила тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.